

Крепость Ниеншанц в первой половине — середине XVII в.¹

П. Е. Сорокин²

Аннотация. В статье рассказывается о фортификационных сооружениях крепости Ниеншанц до середины XVII в., изученных на основе историко-археологических сведений, связи ранних земляных укреплений Ниеншанца с Ландскроной и незавершенном проекте их перестройки. Подробно рассматриваются конструктивные элементы: крепостные рвы, фоссебрея, частоколы, мост, каменное основание замковой постройки.

Ключевые слова: крепость, Ниеншанц, замок, цитадель, частокольные заграждения, фоссебрея, оборонительный ров, бастион, куртина, дерновые кладки, крепостной мост.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-244-263

Строительство и модернизация Ниеншанца, основанного в 1611 г. на мысу при впадении р. Охты в Неву, продолжались до самого начала Северной войны. Основу его укреплений в первой половине XVII в. составляла первоначальная крепость. Планировавшиеся с 1630-х гг. фортификационные сооружения для защиты всего города Ниена, построенные только в 1666 г., быстро пришли в упадок, а дополнительные укрепления на мысу, начатые в те же годы, так и не были завершены. Кардинальной перестройке в середине столетия подверглась только первоначальная крепость — цитадель Ниеншанца, но по документам не удается полностью выяснить, как происходил этот процесс. По письменным и картографическим данным, в строительстве укреплений Ниеншанца выделялись два основных периода: 1-й — с основания до взятия его русскими войсками в 1656 г.; 2-й — с постройки новой крепости после окончания войны до ее падения в 1703 г. (Гиппинг, 1909; Bonsdorff, 1891. S. 3–23; Сорокин, 2001. С. 37–39).

Возникновение и развитие укреплений Ниеншанца на раннем этапе в меньшей степени освещено историческими документами. Культурные слои и сооружения этого времени сохранились на отдельных участках, так как оказались в значительной мере повреждены при перестройке крепости в середине столетия и в более позднее время. Археологические исследования 2007–2010 гг. позволили уточнить конструктивные особенности и строительную историю крепости и выделить три периода, характеризующихся кардинальной перестройкой ее укреплений (Сорокин, 2010. С. 362–364; Сорокин и др., 2017)³.

Исторические сведения об укреплениях Ниеншанца первой половины XVII в.

Согласно отрывочным сведениям из шведских документов, Охтинский мыс после разрушения Ландскроны в 1301 г. мог служить в качестве опорного пункта во время шведских походов на Неву до основания Ниеншанца. Упоминания о старых укреплениях на Неве при нападениях на Орешек короля Магнуса в 1348–1349 гг., Якова Багге в 1555 г. и Германа Флеминга в 1573 г. имеются в шведских документах. Планы возобновления прежних укреплений на Неве сохранялись

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: petrsorokin@yandex.ru.

³ В раскопках крепостных сооружений этого периода принимали участие археологи: О. В. Андреева, М. А. Ахмадеева, В. Д. Гукин, А. В. Иванова, Б. С. Короткевич, И. П. Лазаретов, К. А. Михайлов, А. В. Поляков, С. Г. Попов, С. А. Семенов.

и во время войны в 1583 г. Шведские исследователи К. Бонсдорф и Л. В. Мюнте полагали, что Ниеншанц был построен на месте Ландскроны (*Bonsdorff*, 1891. S. 4, 5; *Munthe*, 1902. S. 97, 98). Шведское королевство не оставляло планов захватить эту территорию. Нева как водная преграда между Ладогой и Финским заливом, с расположенными на ней крепостями Нотеборг (Орешек) и Ниеншанц, должна была стать главным оборонительным рубежом на русской границе. Планы его создания, как и строительство новой крепости, задумывались еще в конце XVI в. Реально они начали осуществляться в 1609 г., хотя военные действия на этой территории начались только в 1611 г., а официально война была объявлена в 1613 г., и только по ее результатам Столбовский мир 1617 г. закрепил Приневье за Швецией.

Строительство шведской крепости на Неве началось весной 1611 г., а в сентябре «недавно поставленный Ниеншанц уже настолько окреп благодаря насыпям, валу и рвам, что в его укреплениях могло укрыться 500 человек» (*Видекинд*, 2000. С. 212). К концу 1611 г. новая крепость в основном была завершена (*Гиппинг*, 1909. С. 258).

Схематичные изображения ранних укреплений Ниеншанца на мысу при впадении Охты в Неву имеются на шведских картах 1640-х гг., но они дают лишь самую общую информацию об их виде и расположении (рис. 1). На картах Эрика Нильса Аспегрена, составленных около 1650 г., показано прямоугольное сооружение или дом, обозначенный как *konungsgarden* — королевский двор (*Bagrow, Kohlin*, 1953. VI.I; *Эренсверд*, 1998. С. 20; *Сорокин*, 2001. С. 40, 41; 2010. С. 364).

На карте устья Невы 1643 г. (*Riksarkivet*. O. 1652. LK № 474; *Bagrow, Kohlin*, 1953. IV.I; *Возгрин, Шаскольский*, 1981) мысовая крепость изображена с двумя линиями укреплений (рис. 1, 1). Прямоугольный замок, обозначенный как *Schanzen*, был обнесен внешними укреплениями, названными *Nyenschanz*, которые напоминали полевые укрепления и имели вид неправильного шестиугольника с тремя бастионами с южной, напольной, стороны и с восточной — со стороны Охты. Восточная куртина изгибалась под тупым

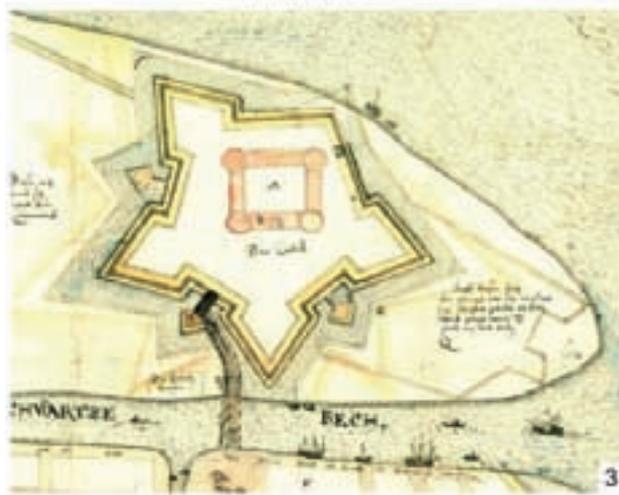

Рис. 1. Планы цитадели Ниеншанца: 1, 2 — 1643 г.; 3 — 1644 г. (1, 2 — Шведский государственный архив; 3 — Шведский военный архив)

Fig. 1. Plans of the fortress of Nyenskans: 1, 2 — 1643; 3 — 1644 (1, 2 — Swedish State Archives; 3 — Swedish Military Archives)

углом внутрь крепости, а западная — вдоль берега Невы, напротив, была выгнута наружу. Северо-восточная и юго-восточная куртины были прямыми. Двое крепостных ворот выходили на северо-восток, к мосту через Охту, и на запад, к Неве. Регулярный замок в центре укреплений в виде каре вокруг центрального двора показан в развертке. С его южной, восточной и западной сторон располагались три постройки с трубами — вероятно, казармы и дом коменданта, северная часть ограждалась стеной. Снаружи замок окружал ров, показанный штриховкой. Среди построек за пределами замка одна, возможно, караулка, находилась непосредственно перед воротами. Другая — у дороги, ведущей в город, с крестами на фронтонах, видимо, крепостная часовня. Согласно археологическим данным, вблизи этого места в первой половине XVII в. существовало крепостное кладбище. Постройка, увенчанная крестом, на берегу Охты имеется и на другом плане Аспегрена того же времени. Она показана рядом с двухэтажным замком с печными трубами, обращенным трехчастным фасадом с окнами и арочными воротами в сторону моста через Охту (рис. 1, 2). Общие черты в форме и расположении крепости, прослеживаемые на отдельных планах, несмотря на различные изобразительные приемы и ракурсы, свойственные картографии того времени, указывают на то, что это одно и то же сооружение, показанное с различной степенью точности и детализации. Величина первоначального Ниеншанца, по сведениям А. И. Гиппинга, достигала 120 × 100 шведских локтей (72 × 60 м), а толщина стен составляла 15 локтей (около 9 м)⁴ (Гиппинг, 1909. С. 168).

Замок (Castell) и позднее изображался на проектных чертежах в центре планируемой новой бастионной крепости. Он показан на планах Георга Швенгеля 1644 г. (рис. 1, 3) и Генриха Зойленберга 1652 г., но различается на них по форме, расположению и ориентировке. На первом плане прямоугольное сооружение показано ближе к берегу Невы, но, в отличие от карты 1643 г., с замкнутыми внешними стенами, восьмигранными башнями — бастеями — по углам и с воротами, выходившими к Охте. В проекте Г. Зойленберга 1652 г. замок Т-образной формы, развернутый в направлении юго-запад–северо-восток, с выступом к Неве, показан схематично в центре бастионной крепости.

⁴ Шведские единицы измерения: aln — 59,38 см, famn — 1,78 м, fot — 29,69 см.

Судя по планам, первоначальная четырехугольная крепость была вытянута в меридиональном направлении. Она напоминает по конструкции описание деревоземляного замка, планировавшегося на Неве еще в 1573 г. в виде комбинированного укрепления с элементами деревянного замка и земляной бастионной крепости. Герман Флеминг, возглавлявший вторжение в Неву шведского флота, в целях «подчинения всего лена Нотебург шведской короне», получил приказ возвести на одном из островов деревянный замок с бастионом таких размеров, чтобы он мог вместить гарнизон в 500–600 человек. Он должен был быть трех-, четырех- или шестиугольным, в зависимости от особенностей острова. «Больверк должен быть не менее 3½ фамнов толщиной и 9 альнов высотой (6,23 и 5,34 м). На углах следует построить башни одинаковой высоты с самим укреплением, четырех- или шестиугольные, чтобы в них можно было найти укрытие. После того как больверк будет заполнен землей, над ним следует возвести бруствер из торфа, как в башнях, так и во всей крепости, не менее 4-х альнов высотой и 5-ти толщиной (2,37 и 2,96 м. — П. С.), а над ним затем следует построить ограждение высотой в один фамн (1,78 м. — П. С.), внутри которого следует разместить небольшие корзины высотой 2½ фута (75 см. — П. С.). Внутри двора замка нужно построить для кнехтов низкие деревянные дома, стены и крыши которых полностью покрыть торфом; всю внешнюю сторону больверка также нужно покрыть торфом не менее 1 альна толщиной (0,59 м. — П. С.), чтобы неприятель не смог его поджечь» (Munthe, 1902. S. 97, 98). Однако это распоряжение не было выполнено, или сделано что-то незначительное.

Из приведенного описания становится понятен принцип строительства такого рода сооружений. Основу его, вероятно, составляли рубленые стены высотой около 5,3 м и толщиной 6,2 м, заполненные землей, с башнями по углам. Поверх них устраивался бруствер из торфа высотой 2,37 м и толщиной 2,96 м, с ограждением высотой 1,78 м из туров, заполненных землей. С внешней стороны укрепления обкладывались дерном толщиной около 0,6 м. Внутри крепостного двора располагались перекрытые дерном солдатские казармы.

Исторические сведения об укреплениях Ниеншанца середины XVII в.

Распоряжение Государственного совета Швеции о разметке на местности города Ниена было дано в 1638 г. (Munthe, 1902. S. 534). В 1642 г.

Военная коллегия, рассмотрев вопрос об укреплении Ниена, поручила генерал-инженеру Лифляндии и Ингерманландии Иоганну фон Роденбургу⁵ подготовку проектных чертежей. В следующем 1643 г. И. Роденбург и Г. Швенгель составили планы укрепления Ниеншанца. Проект Ниена Швенгеля 1643 г. с пятибастионной крепостью на мысу не был согласован. Роденбург предложил развернуть цитадель и сместить ее ближе к оконечности мыса (*Munthe*, 1906. S. 23–25). Сводный чертеж этого времени, авторство которого приписывается Роденбургу, показывает оба проекта-предложения (KrA. SFP O. N. № 2; *Ahlberg*, 2005. S. 730–732), отличающихся в основном городскими укреплениями (рис. 2).

В 1644 г. Г. Швенгель, назначенный инженером Ингерманландии и лена Кексгольм, подготовил исправленный проект. Надпись на нем указывает на связь его с более ранним планом 1633 г.: «Здесь в 1633 году, я по милостивому повелению Вашего Королевского Величества наметил поселение для обывателей, Бог в помощь» (KrA. SFP O. N. № 1). Таким образом, разметка города и его новых укреплений была начата всего спустя год после королевского указа об основании города Ниена — в 1633 г. Новый проект предусматривал строительство пятиугольной цитадели с четырьмя бастионами, рavelинами и замком. Бастионы планировались с удлиненными фасадами с острыми исходящими углами (около 70°) и укороченными фланками, расположенными перпендикулярно куртинам, что характерно для староголландской системы укреплений (рис. 1, 3).

В 1652 г. генерал-губернатор Ингерманландии Эрик Стенбок послал в Стокгольм новый план городских укреплений Ниена, составленный генерал-квартирмейстером И. Роденбургом. В сопроводительном письме сообщалось, что в отличие от города «...крепость к этому времени была укреплена и могла выдержать осаду», но «план укрепления замка и города, составленный Швенгелем в 1644 г., должен быть продолжен, поскольку старое укреп-

⁵ Иоганн фон Роденбург — голландский инженер-фортификатор, находившийся с 1631 г. на русской службе, участвовал в строительстве Ростовской крепости, а также Белгородской засечной черты. С 1637 г. перешел на службу к шведской королеве. С 1639 г. был в должности генерал-инженера Лифляндии и Ингерманландии и занимался проектированием и строительством крепостей: Рижской, Неумюнде, Коброн, Киркхольм, Вольмар, Нарва, Кексгольм, Ниеншанц. Умер около 1657 г.

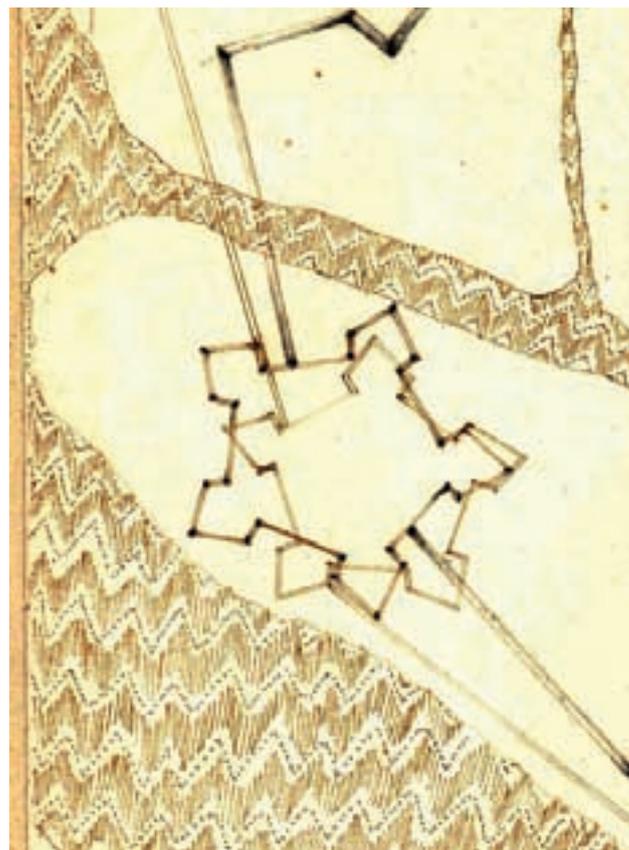

Рис. 2. Ниеншанц. Сводный план проектов крепости, предположительно принадлежащих Швенгелю и Роденбургу. Шведский военный архив

Fig. 2. Nyenskans. Composite plan of projects of the fortress which presumably belonged to Georg von Schwengeln and Juhan von Rodenburg. Swedish Military Archives

пление — сканцен к этому времени пришло в упадок, почти разрушилось» и до сих пор не восстановлено (*Bonsdorff*, 1891. S. 5; *Blees*, 1938. S. 76–78).

В том же году правительство утвердило обновленный генерал-квартирмейстером И. Роденбургом проект укреплений Ниена. После доработки Ю. Верншельдом он был послан в Ниен для выполнения. Разметкой укреплений на местности руководил инженер Г. Зойленберг, надзор за работами поручался И. Роденбургу. На плане Г. Зойленберга 1652 г., с припиской, что он предложен И. Роденбургом, мысовая цитадель изображена в форме звезды с пятью бастионами ближе к оконечности мыса. Вероятно, за основу был взят проект Роденбурга, зафиксированный на сводном чертеже 1643 г. (*Ahlberg*, 2005. S. 730–732). На новом чертеже окружающий цитадель ров заполнен водой, а два бастиона выходят в русла Невы и Охты, что стало следствием смещения крепости

ближе к узкой оконечности мыса и увеличения ее в размерах. С северо-востока и юга к ней примыкали городские укрепления, а крепостные ворота без рavelина выходили на юго-восток, к мосту через р. Охту. По внутреннему периметру цитадели, вдоль валов, планировались постройки, трапециевидные в плане. Всю ее центральную часть занимал Schloss — Т-образный замок, ориентированный в меридиональном направлении (Riksarkivet, O. 1652. L. K. № 2). Если на чертеже Г. Швенгеля, восходящего к 1633 г., вероятно, предлагалось включение в состав новой крепости старых укреплений, то план 1652 г., возможно, предусматривал строительство нового замка, так как крепость смещалась к северу, а он с измененными конфигурацией и ориентировкой оставался в ее центре.

Работы по возведению новой крепости вскоре были приостановлены из-за нехватки средств и рабочих (Blees, 1938. S. 76, 77). Новый генерал-губернатор Ингерманландии и лена Кексгольм Густав Горн в 1655 г. писал в Стокгольм, что «крепости Нотеборг, Кексгольм, Ивангород, Нарва пребывают в упадке... У многих мужиков в деревнях ворота лучше тех, что я видел в крепостях Короны. В Швеции на бумаге показывают грандиозные планы и чертежи, но ничего не выполняется» (Mynthe, 1902. S. 226, 227). Укрепления Ниеншанца также, вероятно, не были готовы к началу русско-шведской войны 1656–1661 гг. и летом 1656 г. без боя сданы русским войскам. Шведские войска покинули Ниеншанц, были сожжены около 500 домов, значительные запасы хлеба и захвачено восемь пушек. Однако вскоре он был оставлен русскими войсками, и шведы вновь закрепились в нем (Гиппинг, 1909. Т. 2. С. 86; Blees, 1938. S. 78).

В 1659 г., после заключения перемирия в войне, новый генерал-губернатор провинции Симон Гельмфельт получил приказ об укреплении Ниена — «весьма значительного и важного населенного пункта», в соответствии с прежним планом. В сентябре 1661 г. он рапортовал о том, что строительство укреплений цитадели почти полностью завершено. Однако в том же году Якоб Штааль фон Гольштейн разработал новый план укрепления Ниена, относившийся, вероятно, именно к цитадели, поскольку в 1663 г. было приказано продолжить работы по ней. Строительство ее было завершено 7 сентября 1665 г., а в следующем, 1666-м, году окончено сооружение городских валов (Munthe, 1906. S. 225–227, 521–526). О какой крепости шла речь в послевоенных документах, видно из сохранившегося плана Ниеншанца 1665 г., который был

подготовлен Юханом Шталем, вероятно, на основе чертежей начала 1660-х гг. его сводного брата Якоба Шталя (Ahlberg, 2005. S. 736, 737). На плане показано новое расположение крепостных укреплений, смещенных южнее, на более широкую часть мыса. Размещение крепости на узкой оконечности мыса, объясняемое правилами фортификации, являлось и ее существенным недостатком, так как сказывалось на размерах укреплений, ограниченных береговыми линиями рек. Вероятно, это противоречие и стало главной проблемой, решавшейся строителями во второй период. Это означает, что строительство крепости третьего периода — в начале 1660-х гг. — велось по обновленному плану и на новом месте, по сравнению с довоенными укреплениями, хотя чертеж самой крепости близок проекту И. Роденбурга и Г. Зойленберга.

Генерал-квартирмейстер Эрик Дальберг, посетивший Ниеншанц в 1681 г., писал о более удаленной от окончания мыса новой крепости: «...вершины двух бастионов (Мельничного и Мертвого. — П. С.) поднимаются с одной стороны до самой реки Невы, а с другой — до Черной речки (Охты. — П. С.), а эти реки переполнены водой и льдом не только весной и имеют сильное течение. При сильном западном, северном или юго-западном шторме течение гонит воду из Балтийского моря в Неву и Черную Речку на 7–8 футов выше ее ординара <...> течение вызывает большие волны, которые при ледоходе и весеннем половодье совершенно неистовствуют, смывая и разбрасывая все по пути, поскольку почва состоит из глины и смешанной с песком земли, которая не может сопротивляться воде. Это приводит к тому, что ров обоих бастионов соединяется с Невой и Черной Речкой, и хотя до сего дня его удавалось укрепить прочными больверками и шпунтами, чтобы сохранить их, вода ежедневно причиняет ущерб и есть опасность, что эти бастионы будут совершенно разрушены водой» (Кальюнди, Киртичников, 1975. С. 78, 79). На карте течения Невы, приложенной к этому донесению, также отмечалось, что «...при буре с запада, севера и юго-запада вода у Ниена поднимается на 4 локтя выше обыкновенного и причиняет находящемуся там укреплению большой убыток...» (Лаппо-Данилевский, 1913. № 9).

Сооружения раннего Ниеншанца (1611–1643 гг.) по археологическим данным

Изучение территории крепости показало, что ко времени ее основания на мысу существовало сельское поселение, но оставались заплывшие

рвы Ландскроны, окружавшие ее возвышенную полуразрушенную деревоземляную платформу. Старые рвы сохранялись весь начальный период, и это обстоятельство во многом определило структуру строившихся укреплений, названных Ньюенсканс, что в переводе со шведского могло означать как Невское, так и новое укрепление. Последняя версия и, следовательно, двойственный смысл этого названия находят подтверждение как в историческом ландшафте мыса, где старые укрепления Ландскроны по-прежнему явственно читались, так и в шведских документах XVI — начала XVII в. о планах строительства крепости на Неве на месте прежней. В ранней шведской историографии эта преемственность всячески подчеркивалась (*Bonsdorff*, 1891. S. 5, 6; *Blees*, 1938. S. 74).

Рвы Ландскроны. Две линии рвов окружали квадратную в плане площадку Ландскроны в центральной части мыса размерами около 114 × 114 м. Третий ров, пересекавший мыс в широтном направлении, располагался в 40 м южнее. Все они имели плоское дно и трапециевидную форму, с наклоном стенок у первого рва до 60°, у второго и третьего — около 45–50°. Первый ров был шириной около 11 м, глубиной до 2,8 м, второй, удаленный от него на 14–15 м, — шириной около 15 м и глубиной 2,4 м, возможно, замыкался с западной стороны на берег Невы. Все они частично были перекрыты слоем разрушения и намывными песчаными отложениями, но в основном оставались открытыми и, вероятно, подновлялись в начальный период строительства Ниеншанца.

К началу XVII в. мощность аллювиального (наносного) песка, отложившегося в поздне-средневековый период в заполнении первого рва, составляла около 1 м, второго и третьего — в основном не более 0,5 м. Слои засыпки рвов в середине XVII в. отличаются по своему составу. Заполнение первого рва представляет собой супесь пестрого цвета с включениями комков дерна, глины, органики и истлевшей древесины — остатков деревянных конструкций Ландскроны, перемещенных при выравнивании площадки крепости. Второй ров был засыпан однородным слоем желтой супеси, видимо, в результате нивелировки пространства между рвами. В слоях засыпки обоих рвов с юго-восточной стороны было найдено около 200 переотложенных погребений (раскопы 7, 8/2009) (*Сорокин и др.*, 2013. С. 104, 105). Если в первом рву они были рассредоточены, то во втором их скопления в двух местах носили явные следы перезахоронения (рис. 3). Их

появление здесь связывается с разрушением кладбища на берегу Охты при строительстве новых укреплений. Многочисленные находки в засыпке рвов предметов XVII в. (фрагментов керамической посуды, изразцов, стекла, курительных трубок) указывают на относительно продолжительный период их существования в открытом виде в этом столетии. Время засыпки первого и второго рвов уточняют найденные в их заполнении, а также между рвами три монеты королевы Кристины (1632–1654 гг.), отчеканенные не ранее середины 1630-х гг. В третьем, сохранявшемся в виде ложбины за пределами крепостных укреплений Ниеншанца и во второй половине столетия, в гумусных прослойках на дне помимо них найдены и монеты Карла XI (1660–1697 гг.). Таким образом, два основных рва Ландскроны сохранялись на поверхности и выполняли, особенно второй, оборонительные функции до середины XVII в. Их окончательно засыпали только во втором и третьем строительных периодах, а третий ров сохранялся и позднее.

Ранние сооружения Ниеншанца оказались значительно повреждены при возведении новых укреплений начала 1660-х гг. (третий период) и строительстве XIX–XX вв. Остатки шести построек и хозяйственных сооружений первой половины — середины XVII в. оказались перекрыты валами новой крепости. Еще столько же находились ближе к Охте — на северо-восточной и северной оконечностях мыса — за ее пределами. Крепостные постройки, за редким исключением, не сохранились, остались лишь их заглубленные в грунт на 1,2–1,5 м основания. Их расположение на периферийной части мыса и под укреплениями Ниеншанца середины XVII в. позволяет связывать их с ранней застройкой крепости, чему не противоречат и обнаруженные в них находки.

Основание одной из построек (№ 3–11⁶) изучено в месте локализации по историческим планам замка первоначального Ниеншанца. Она располагалась в южной части крепостной площадки Ландскроны, в 8 м севернее ее первого рва. Котлован постройки, прослеженный с уровня около 3,70 БС⁷, прорезал деревоземляную платформу Ландскроны, погребенную под ней почву и песчаные слои на глубину до 0,8 м, однако его первоначальная глубина могла достигать около

⁶ Постройка № 3–11 (нумерация в соответствии с полевой документацией — постройка № 3, раскоп 11).

⁷ Здесь и далее уровни — нивелировочные отметки — даются в Балтийской системе высот (БС).

Рис. 3. Ниеншанц. Массовое перезахоронение человеческих останков во внешнем рву Ландскроны

Fig. 3. Nyenskans. Mass reburial of human remains along the external ditch of Landskrona

1,5 м. Подземная часть сооружения сохранилась в виде остатков каменного фундамента стен и выложенного булыжником пола. Пятиугольная постройка состояла из двух помещений — западного и восточного, разделенных каменной стеной. Максимальные размеры стен по внешнему контуру достигали 10,3–10,4 м. Площадь постройки (с фундаментами) составляла около 96 кв. м, внутренняя — полезная площадь — около 65,5 кв. м (рис. 4). Фундаментная кладка стен, сложенных из грубо обработанной известковой плиты, шириной 0,7–0,9 м, изнутри помещения имела лицевую обработку. Пол, на отметках 3,14–3,27, вымощен плотно подогнанным, калиброванным булыжником, размером 0,15–0,20 м. В западном помещении у середины внутренней стены находилась небольшая плавильная печь, овальная в плане и грушевидная в разрезе, размерами 0,64 × 0,48 м и высотой 0,41 м.

Стратиграфические наблюдения не дают надежных оснований для уточнения времени существования постройки, впущенной в край деревоземляной платформы Ландскроны из переотложенных слоев. Коллекция находок из заполнения, включавшая печные коробчатые изразцы с растительным орнаментом, покрытые темно-зеленой

поливой, белоглиняные курительные трубки, сосуды из керамики и каменной массы, датируется в пределах XVII в. Однако расположение постройки не совпадает с планиграфией поздней крепости, строения которой располагались вдоль куртин, по периметру крепостного двора. Поэтому, вероятно, она строилась до разрушения Ниеншанца в 1656 г. Основание подвальной части было выложено из камня, с сохранившимися в фундаментной кладке прямоугольными гнездами для деревянных столбов, которые могли служить для крепления опалубки при возведении каменных стен подвального помещения в котловане с оплывающими песчаными стенками. Другим объяснением этих столбов могла быть фахверковая конструкция ее наземной части. Подвальный этаж, в котором была устроена плавильная мастерская и найдены жернова, вероятно, использовался в качестве хозяйственного помещения. В южной части на основе столбов, остатки которых сохранились, могла быть устроена межэтажная деревянная лестница, а также настилы. На втором этаже находилось отопляемое помещение с изразцовой печью. Изученное сооружение, возможно, было частью королевского двора — замка, располагавшегося на этой территории в первой

Рис. 4. Ниеншанц. Подвальный этаж постройки XVII в. с каменным фундаментом и полом
 Fig. 4. Nyenskans. Basement storey of the 17th century building with a stone foundation and a floor

половине — середине XVII в. Других археологических объектов, которые могли бы к нему относиться, не выявлено.

Крепостной мост. В центре восточной части второго рва Ландскроны со стороны р. Охты обнаружена срубная конструкция — остатки моста, ведущего в город Ниен (рис. 5). Сруб длиной 7,6 м и шириной 6 м располагался поперек рва, при его общей ширине около 15 м. Он был установлен поверх гумусной прослойки, отложившейся до начала XVII в., и перекрыт слоем засыпки рва середины этого столетия. Пролет моста, срубленный из бревен диаметром до 30 см «в чашку», сохранился на высоту в шесть венцов до уровня 2,59, причем нижние бревна сохранились хорошо, а верхние (после 1,90) — в полуистлевшем виде. Основание сруба имело уклон до 5° в восточном направлении — к середине рва. Западная его стенка опиралась на внутренний склон на уровне 1,90, а восточная — на его дно, на отметке 1,07. Продольные бревна четырех нижних венцов вследствие этого имели соответствующий уклон к центру рва, а пятый и шестой венцы лежали горизонтально. При этом концы верхних бревен, обращенные

к середине рва, выступали по отношению к нижним, нависая над ними. Нижний венец выступал на 0,8 м за фасад восточной стенки, второй — на 0,6 м по отношению к первому, а третий — на 0,8 м — ко второму. В середине северной и южной стенок изнутри сруба, вплотную к ним, в дно рва были вкопаны на глубину до 35 см (отметка 0,93) деревянные столбы диаметром 30 см, обеспечивавшие поперечное крепление конструкции.

Место примыкания сруба к западной стенке рва оформлено дерновой обкладкой склонов на уровне 1,90–2,50, служившей для их закрепления и предотвращения оплывания. С противоположной — внешней — стороны рва по древесному тлену прослеживались следы бревенчатой стенки, установленной вдоль рва. Возможно, она является остатками второго, разводного, пролета моста, который впоследствии был разобран. Следы древесного тлена имелись в нижней части заполнения рва, между прослойками гумуса и в слое оплывания стенок. Таким образом, изученный сруб представляет собой основание главного крепостного моста через оборонительный ров первоначальных укреплений Ниеншанца.

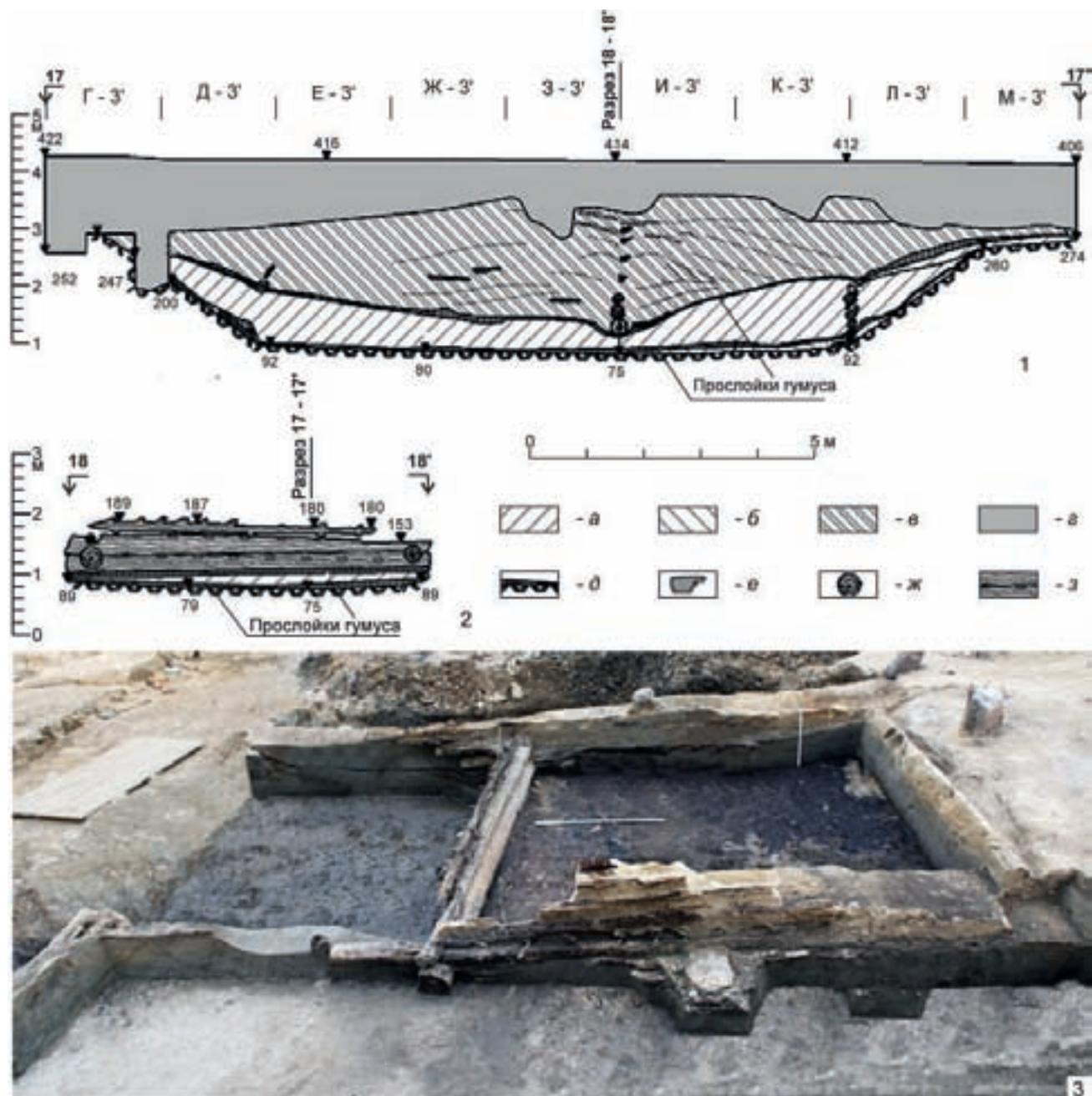

Рис. 5. Ниеншанц. Крепостной мост первого периода во втором рву Ландскроны. 1633 г.: 1, 2 — разрезы 17-17' и 18-18' (а — слой штурма и дефортификации Ландскроны; б — слой разрушения Ландскроны XIV-XVI вв.; в — слой строительства Ниеншанца первой половины XVII в.; г — слой конца XIX — XX в. с остатками сооружений и строительным мусором; д — подстилающие песчаные слои; е-з — дерево); 3 — вид с юго-востока

Fig. 5. Nyenskans. Fortress bridge of the first period in the second ditch of Landskrona. 1633: 1, 2 — sections 17-17' and 18-18' (a — the layer of the storm and defortification of Landskrona; б — the layer of the destruction of Landskrona in the 14th-16th cen.; в — layer of the construction of Nyenskans in the first half of the 17th cen.; г — layer of the late 19th – 20th cen. with the remains of buildings and construction trash; д — underlying sand layers; е-з — wood); 3 — view from south-east

Использование внешнего рва Ландскроны в начале XVII в. подтверждается стратиграфическими наблюдениями при разборке его заполнения. На дне и склонах рва, а также за его пределами, с внешней стороны, отложились гумусные прослойки с находками этого времени, перекрывающие позднесредневековые наносные песчаные отложения мощностью 0,5–1,0 м. В гумусной прослойке имеются включения древесного тлена и щепы, отложившиеся в процессе строительства моста. Под срубом и рядом с ним в прослойке наблюдалась концентрация находок: фрагменты плосковидных изразцов, белоглиняной курительной трубки, различных гончарных сосудов — поливных треножников и тарелок, кухонных красноглиняных и сероглиняных горшков, осколки тонкостенных и граненых стеклянных сосудов, бутылки, оконного стекла и кованый гвоздь. Среди находок из органики имеются: клепки деревянного ведра, берестяные изделия — части короба и сумки, отдельные куски бересты, а также фрагменты берестяной и кожаной обуви.

Стратиграфические наблюдения позволяют связывать возникновение моста с временем до середины XVII в., однако установка его на поверхности прослойки с многочисленными находками этого времени указывает на его появление позднее первоначальных укреплений Ниеншанца в 1611 г. Время его строительства уточняет дендродатирование трех венцов сруба, указывающее, что они были срублены не ранее 1633 г. (Сорокин, Тарабардина, 2012. С. 86). Судя по всему, мост использовался вплоть до начала нового крепостного строительства в начале 1650-х гг., когда часть его была разобрана, другая засыпана вместе со рвом.

Частокольные заграждения — палисады первой половины XVII в. были выявлены со стороны Охты на подступах к основным укреплениям крепости с восточной и северной сторон. Не исключено, что они существовали и на южном, напольном, направлении, а возможно, и со стороны Невы — на западе крепости, но эта территория не раскапывалась. В центральной части они примыкали к крепостному мосту, выходившему к Охте и связывавшему крепость с центром города Ниена. Палисады располагались вдоль второго рва Ландскроны на удалении до 14 м от него. В южной части заграждение пересекало третий ров этой крепости, вырытый между Охтой и Невой. Севернее оно, видимо, продолжалось вдоль реки и огибало оконечность мыса, защищая его возвышенную часть. На плане 1644 г. здесь по всему ее периметру показан горнверк — вспомогательное

наружное укрепление, служившее для усиления основного крепостного фронта, к которому оно примыкало (рис. 1, 3).

В лучшем состоянии сохранились остатки частокола в пределах третьего рва Ландскроны, оставшегося в виде ложбины в юго-восточной части мыса в XVII в. Здесь, на пониженном участке, на протяжении около 11,5 м, изучены два ряда частокола из кольев диаметром 12–20 см (рис. 6). Они были установлены в специально вырытые канавки, пересекавшие ров в меридиональном направлении (азимут 340°) на расстоянии 1,75–1,90 м друг от друга. Интервалы между кольями в ряду составляли 3–6 см. В донной части рва канавки, шириной 0,2–0,4 м, были заглублены в материк, на склонах — в засыпку рва на 0,4–0,8 м. Основания кольев были срезаны горизонтально, верхние их части, выше уровня канавок, не сохранились. Сверху они оказались перекрыты слоем прокаленного песка с включениями прослоек древесного угля и находок XVII в., связанным с разрушением крепости и пожаром 1656 г. Судя по серии дендродат (раскоп 18/2009, образцы № 24–26, 34), это заграждение было сделано около 1638 г. (Сорокин, Тарабардина, 2012. С. 87).

Следующий участок частокольных заграждений протяженностью около 40 м, ориентированный в меридиональном направлении (азимут 340°), сохранился в центральной части Мертвого бастиона (раскоп 14/2009). С южной и северной сторон он перерезался крепостным рвом Ниеншанца второй половины XVII в. Частокольные канавки шириной 0,25–0,35 м были проложены с интервалами 0,6–0,9 м. Восточная — прослеживалась на протяжении 35 м по прямой линии и далее перерезалась поздними перекопами. Проходившая параллельно ей западная канавка в северной части, в 8 м перед мостом, поворачивала под прямым углом ко рву и продолжалась 7 м, затем в 6 м от него вновь поворачивала на север и через 2 м обрывалась перекопами. Вероятно, частокольное заграждение примыкало в этой части к воротам или каким-то иным сооружениям, закрывавшим проход к крепостному мосту.

Глубина восточной канавки достигала около 0,6 м от дневной поверхности середины XVII в., а западной — 0,75 м, дно их было на уровне около 3,00 и 2,85 соответственно. Обе они оказались заполнены гумусированной супесью с включением дерна. Основания частоколов сохранились на отдельных участках в заполнении в виде истлевших, местами обуглившись, кольев диаметром 0,12–0,15 м, установленных вплотную друг к другу.

Рис. 6. Ниеншанц. Частокольное заграждение в юго-восточной части мыса. 1638 г.

Fig. 6. Nyenskans. Palisade barrier in the south-eastern section of the cape. 1638

В северной части вблизи примыкания моста они носили следы горения.

Еще одна сходная по устройству частокольная канавка прослежена в восточной части мыса — севернее рва Ниеншанца середины XVII в., окружавшего Мертвый бастион (раскоп 53/2010). Она сохранилась на участке протяженностью свыше 15 м в наносных песчаных слоях оплывшего рва Ландскроны и перерезалась с западной стороны поздним рвом Ниеншанца. Частокольная канавка шириной 0,45 м и глубиной 0,9 м, с остатками столбов диаметром 12–17 см, на этом участке, в отличие от предыдущих, ориентирована в направлении, близком к широтному (азимут 175°). Канавка связывалась авторами раскопок с ограждением земельного участка, примыкавшего к обнаруженной поблизости постройке XVII в. (Соловьева, 2010. Т. 45. С. 10, 11).

Участок частокольной канавки, ориентированный в меридиональном направлении (азимут 340°), протяженностью свыше 10 м, шириной 0,35 м, глубиной до 0,9 м (0,9 БС), с остатками частокола диаметром 0,12–0,17 м, изучен у северо-восточного угла второго рва Ландскроны по его внешней границе (раскоп 25+/2010) (Там же. Т. 25. С. 11). В 32 м к западу от этого места с внутренней стороны того же рва, на его северном участке, вдоль середины склона выявлен участок частокола длиной 5–6 м и шириной 0,38 м, ориентированный в широтном направлении (раскоп 48/2010).

В нем был установлен частокол диаметром около 0,1 м (Там же. Т. 41. С. 11).

Сходная ситуация была прослежена и на восточном участке второго рва Ландскроны — в 20 м севернее крепостного моста, где у основания внутреннего склона, на отметках 1,40–1,50, обнаружена линия частокола (азимут 340°) из восьми вкопанных деревянных столбов диаметром 10–15 см. Основания столбов на уровне около 1,20 были прямо срезаны и чуть расплющены, возможно, из-за большой механической нагрузки. Эти частокольные линии, обнаруженные в двух местах на внутренней стороне второго рва Ландскроны, назначение которых пока не выяснено, видимо, были локальными и могли относиться к укреплениям как этой крепости, так и раннего Ниеншанца.

Двойные частокольные канавки, прорытые с интервалом 1,0–1,5 м, ориентированные в направлении юго-восток–северо-запад (азимут 320°), были обнаружены и в северной части мыса (раскоп 52/2010). Ширина их составляла 0,34–0,40 м. В материке на глубине 0,20–0,22 м в виде пятен сохранились основания кольев диаметром 0,10–0,14 м (Соловьева, 2010. Т. 44. С. 12). Далее, на северной оконечности мыса (раскоп 30+/2010), выявлена еще одна линия из двух параллельных цепочек столбовых ям, ориентированных в широтном направлении (азимут 250°). В них сохранились 11 столбов диаметром 0,13–0,27 см. В одном месте частокольная канава оказалась перебита погребением XVII в.

(Там же. Т. 27. С. 21), относящимся, вероятно, ко времени штурма крепости в 1703 г. Это позволяет предполагать, что к этому времени ограждения уже не было, и, соответственно, связывать его с более ранними укреплениями.

Двойные частокольные заграждения в южной, центральной и северной частях мыса, ориентированные вдоль Охты, судя по расположению и конструктивным особенностям, могут относиться к оборонительной линии со стороны этой реки на подступах к основным укреплениям крепости первой половины XVII в. Она располагалась вдоль восточного крепостного рва Ландскроны, на удалении до 14 м от него, в направлении юго-восток–северо-запад (азимут 340–320°). В центральной части, у моста через ров, от которого дорога выходила прямоком на Охтинский мост, ограждение стояло вдоль нее, образуя открытую площадку перед крепостным мостом, что соответствует плану 1643 г. Ограда также отделяла крепость от кладбища на берегу Охты, примыкавшего к ней с юго-восточной стороны. Еще три участка однорядного частокола в центре и на севере мыса, ориентированные в широтном направлении, видимо, представляют собой разновременные защитные сооружения на северных подступах к крепости. Частокольные ограды другого назначения, вблизи укреплений, противоречат принципам обороны, так как любые сооружения могли служить прикрытием для неприятеля при их штурме. Создание восточной оборонительной линии на основе дендрохронологического датирования южного участка может быть отнесено ко времени около 1638 г., а прекращение ее существования связано с разрушением Ниеншанца в 1656 г. и со строительством новых укреплений начала 1660-х гг. Следы пожара частокола прослежены в его южной и центральной частях. Севернее частокольные заграждения могли сохраняться как дополнительные укрепления оконечности мыса в середине и второй половине XVII в.

Остатки четырех построек и хозяйственных сооружений первой половины XVII в. находились внутри ограды, пять других — за ее пределами, ближе к реке. Из них три на севере, вероятно, были прикрыты дополнительной заградительной линией. Все эти постройки были заглублены в грунт и имели подвалы или цокольные этажи. Одна из них (4-1), со срубом размерами 5,8 × 5,8 м, опущенным в котлован глубиной 1,4 м, на месте Мертвого бастиона середины XVII в., погибла в пожаре перед его сооружением. Судя по обнаруженным в ней находкам — печным изразцам,

керамике, курительным трубкам и монетам — она была жилой (Сорокин и др., 2017. С. 70–78).

Земляные укрепления Ниеншанца 1643–1656 гг. обнаружены в процессе раскопок с восточной и южной сторон мыса. При зачистке насыпной песчаной поверхности на уровне 3,4–4,6 м были выявлены общие контуры укреплений — три параллельные полосы грунта черного цвета, перемежавшиеся песчаным заполнением, общей шириной около 11 м. В результате их расчистки обнажились три линии кладок, сложенных из пластов дерна, ориентированные в основной части в направлении, близком к меридиональному (рис. 7). Исследования показали, что восточная кладка является облицовкой эскарпа крепостного рва, а две другие сделаны с наклоном друг к другу и соединены дерновым слоем в основании, маркируя некую траншею позади эскарпа.

Внутренняя стенка рва восточной куртины крепости, ориентированная в меридиональном направлении, прослежена на протяжении около 37 м (раскоп 7/2008). На окончаниях с обеих сторон к ней примыкали фланки бастионов, и стенка рва в этих местах поворачивала под прямым углом в восточном направлении. С северной стороны куртины (правый фланк восточного бастиона) она продолжалась на протяжении около 10 м, пересекая ров Ландскроны под углом около 40° и заканчивалась на его внешнем склоне. Эскарповая стенка нового рва в основании фланка, облицованная дерновой кладкой, возводилась на дне второго рва Ландскроны до верха его бортов, и пространство за ней внутри новых укреплений засыпалось песчаным грунтом. Она проходила в широтном направлении в 12 м южнее старого крепостного моста, оказавшегося в результате засыпки в теле строящегося бастиона. Однако новый ров за пределами старого, в соответствии с конфигурацией планируемых укреплений, почти не был вырыт. Исключение составляют подрезки его бортов и небольшой участок с внутренней стороны восточной куртины, фланка и фаса юго-восточного бастиона, отодвинутых до 8 м от стенки существовавшего рва к западу. Контрэскарп нового рва на этом участке вообще не был оформлен, и, таким образом, ров не был завершен.

С южной стороны восточной куртины, на левом фланке юго-восточного бастиона, эскарп рва продолжался под прямым углом на протяжении 9 м. Далее он поворачивал под углом около 100° в южном направлении, переходя в основание фаса бастиона, край которого прослежен на протяжении свыше 57,4 м. В северной части он оформлялся

Рис. 7. Ниеншанц. Дерновые обкладки рва и фоссебреи крепости второго периода на участке примыкания левого фланка юго-восточного бастиона к восточной куртине на уровне выявления

Fig. 7. Nyenskans. Turf facings of the ditch and fausse-braie of the fortress at the area of junction of the left flank of the south-eastern bastion and the eastern curtain at the level of discovery

с подрезкой внутреннего склона рва Ландскроны, а далее прослежен между рвами (раскопы 5, 8/2008). В центре этого участка он был перерезан крепостным рвом Ниеншанца 1660-х гг. Самый южный участок дерновых кладок на этом направлении был зафиксирован в теле Карлова бастиона середины XVII в. (раскопы 38, 44, 44+/2010), на удалении 5–8 м от стенки его левого фаса на уровне 4,17 (Соловьева, 2010. Т. 17, 23, 33). Общая протяженность изученных оборонительных линий восточных и юго-восточных укреплений крепости 1640-х гг. составила около 116,5 м.

Эскарповая стенка крепостного рва, сохранившаяся на высоту до 3,6 м, опускалась с уровня 4,06–3,74 до 1,3–1,5. С отметок 3,30–3,50 ров был вырыт в материковом песке, а верхняя часть его эскарпа была насыпной. В местах пересечения старых рвов стенки нового целиком формировались насыпным грунтом. Снаружи они облицовывались дерновой кладкой. В одних местах она

примыкала с тыльной стороны к стенке котлована, в других — пространство между ними заполнялось чередующимися слоями дерна и песка. Ширина кладки из уложенных горизонтально пластов дерна по верху составляла около 0,5 м, в основании стенки — 0,90–1,15 м. Угол эскарпа также менялся — в нижней части (до отметки 2,8) он достигал 80°, а выше уменьшался до 45–50°. Эта конструктивная особенность связана с распределением нагрузки верхней части кладки между дном, склоном и основанием дерновой стенки, опущенной для усиления в канавку глубиной до 0,15 м, вырытую в материке (рис. 8).

Две внутренние линии дерновых кладок, находившихся за рвом и в плане повторявших его конфигурацию, сохранились только в нижних частях (рис. 9). Они являлись облицовкой стенок фоссебреи — дополнительного пониженного вала — и эскарпа главного крепостного вала. В пределах изученной восточной куртины вторая кладка

Рис. 8. Ниеншанц. Ров крепости второго периода: 1 — общий вид; 2 — разрез дерновой стенки

Fig. 8. Nyenskans. The ditch of the fortress of the second period: 1 — general view; 2 — section of the turf wall

Рис. 9. Ниеншанц. Фоссебреи крепости второго периода: 1 — участок между рвом и траншеей; 2 — участок между валом фоссебреи и крепостным валом

Fig. 9. Nyenskans. Fausse-braies of the fortress of the second period: 1 — area between the ditch and the trench; 2 — area between the bank of the fausse-braie and the defensive rampart

Рис. 10. Фоссебреи крепости Кастеллет (Копенгаген) первой половины XVII в.

Fig. 10. Fausse-braies of the fortress of Kastellet (Copenhagen) of the first half of the 17th cen.

находилась в 2,5–2,8 м к западу от границы рва, а третья, являвшаяся одновременно основанием эскарпа крепостного вала, — в 3,8–4,0 м от второй. Внутренние дерновые кладки шириной около 1,1 м, а в основании до 1,4–1,7 м, сделанные из пластов дерна, уложенных один на другой со смещением в сторону наклона, сохранились на высоту до 0,85 м в северной части (раскоп 7; отметки — 3,55–4,4) и до 1,3 м — в южной (раскоп 8; отметки — 3,3–4,9). Их основания также были заглублены в канавки, врезанные в песчаную подсыпку и материк на 0,15 м. Облицовочные кладки имеют наклон в противоположные стороны от плоского дна, создавая трапециевидную в разрезе форму траншеи. Угол наклона второй кладки — валганга фоссебреи — ко дну составляет около 115°, при крутизне склона около 65°, кладки эскарпа крепостного вала, соответственно, 130° и 50°. В основании, на уровне около 3,65–3,75, дно траншеи шириной около 3,8–4,0 м также было перекрыто дерном. Учитывая, что в верхней части траншея расширялась, ширина ее достигала 5 м (раскоп 8/2008) и более.

Соответственно с фронта она примыкала к краю рва, будучи отделенной от него узким 1,5–2,0-метровым валом, высотой в человеческий рост, и бермой, а с тыльной стороны — к основанию эскарпа крепостного вала, в облицовку которого переходила в верхней части третья кладка.

Вероятно, по проекту фоссебреи должны были опоясывать крепость по периметру, создавая дополнительный рубеж обороны между рвом и валом. Часто они устраивались на флангах и куртинах, образуя единую позицию, как это видно на примере крепости Кастеллет (Копенгаген) первой половины XVII в. (рис. 10).

С южной стороны крепости между первым и вторым рвами Ландскроны (раскоп 10/2009) сохранился участок дерновой кладки протяженностью около 12 м, вытянутый в широтном направлении. Здесь также к началу фортификационного строительства первой половины XVII в. сформировалась гумусная прослойка мощностью до 0,1 м. Ее перекрывали песчаные подсыпки на уровне 3,15–4,80, повышавшиеся от рвов к центру

Рис. 11. Ниеншанц. Разрез крепостных укреплений на плане Швенгеля 1644 г.

Fig. 11. Nyenskans. Section of the defences on the 1644 plan by von Schwengeln

межровного пространства до 1 м. На поверхности их была возведена дерновая стенка шириной до 2,2 м, сохранившаяся на высоту около 0,5 м — до отметки 4,90. Она сложена из дерновых пластов размером 0,6 × 0,3 × 0,2 м (рис. 11). В разрезе она трапецевидная, двухчастная, как в облицовке эскарпа рва. Ее эскарповая дерновая кладка, имевшая уклон более 60°, шириной около 0,5 м в верхней и 0,8 м в нижней частях, обращена на юг, в сторону внешнего рва Ландскроны, удаленного от нее на 6–7 м. За ней следует дерновая кладка, перемежающаяся песчаными прослойками. Выявленный участок по своему положению может быть частью конструкции недостроенного основания эскарповой стены крепостного вала левого фаса юго-западного бастиона крепости. Разрушение его связано с перестройкой крепости в середине XVII в., когда происходила засыпка второго рва Ландскроны, в заполнении которого, вдоль ближайшего эскарпового склона, обнаружено скопление дерновых пластов. К первому периоду строительства Ниеншанца относится бревно, использованное вторично в укреплении эскарпа рва расположенного поблизости Гельмфельтова бастиона середины XVII в., которое датировано дендрохронологическим методом 1625 г. Это показывает, что при перестройках сохранившиеся конструкции могли использоваться в новом качестве.

Сравнение выявленных остатков оборонительных сооружений крепости середины 1640–1650-х гг. с проектными чертежами показывает, что они не совпадают по конструкции с разрезом укреплений на плане Швенгеля 1644 г., где также перед основным валом высотой около 5 м показана фоссебрея (рис. 12). Она отделяется от рва бермой глубиной всего 1,8 м и шириной по дну около 9 м и насыпью высотой около 2 м и толщиной до 3 м. При этом ширина самой траншеи фоссебреи по дну, равная толщине главного вала, достигает около 5,4 м. Названные параметры рва значительно — более чем в два раза — уступают

аналогичным параметрам крепости второй половины XVII в., у которой не было фоссебреи.

Заключение

По результатам исследований выделяются три основных периода строительства Ниеншанца: первый — 1611–1643 гг., второй — 1643–1656 гг., третий — 1658–1703 гг., характеризующиеся полной перестройкой и изменением конфигурации основных крепостных сооружений. Укрепления первой половины и середины XVII в. сохранились преимущественно за пределами более поздних. Крепость первого периода (1611–1643 гг.) сохраняла определенную планиграфическую преемственность с Ландскроной. Это обстоятельство и определило систему строившихся шведами укреплений, в основу которых была положена оборонительная структура предшествующего периода. Судя по историческим планам 1640-х гг., основой фортификационных сооружений раннего Ниеншанца был королевский двор, построенный как регулярный замок в центральной части Охтинского мыса на месте деревоземляной платформы Ландскроны. Его сооружения располагались в форме каре и, судя по имеющимся данным, могли быть деревоземляными, с отдельными каменными подвальными помещениями. С внешней стороны крепость была защищена сохранявшимися в ландшафте тремя линиями средневековых рвов.

Первый ров был частично засыпан, а через второй с восточной стороны устроен крепостной мост, выходящий к мосту через Охту и кратчайшим путем связывавший крепость с центром Ниена. Строительство его около 1633 г. последовало вскоре после распоряжения Густава II Адольфа в 1632 г. об основании этого города. Около 1638 г. с восточной и северной сторон крепости, за вторым рвом, было возведено частокольное ограждение, продолжавшееся, видимо, и с других сторон по всему ее периметру. Выявленные линии частокольного совпадают по расположению с внешними

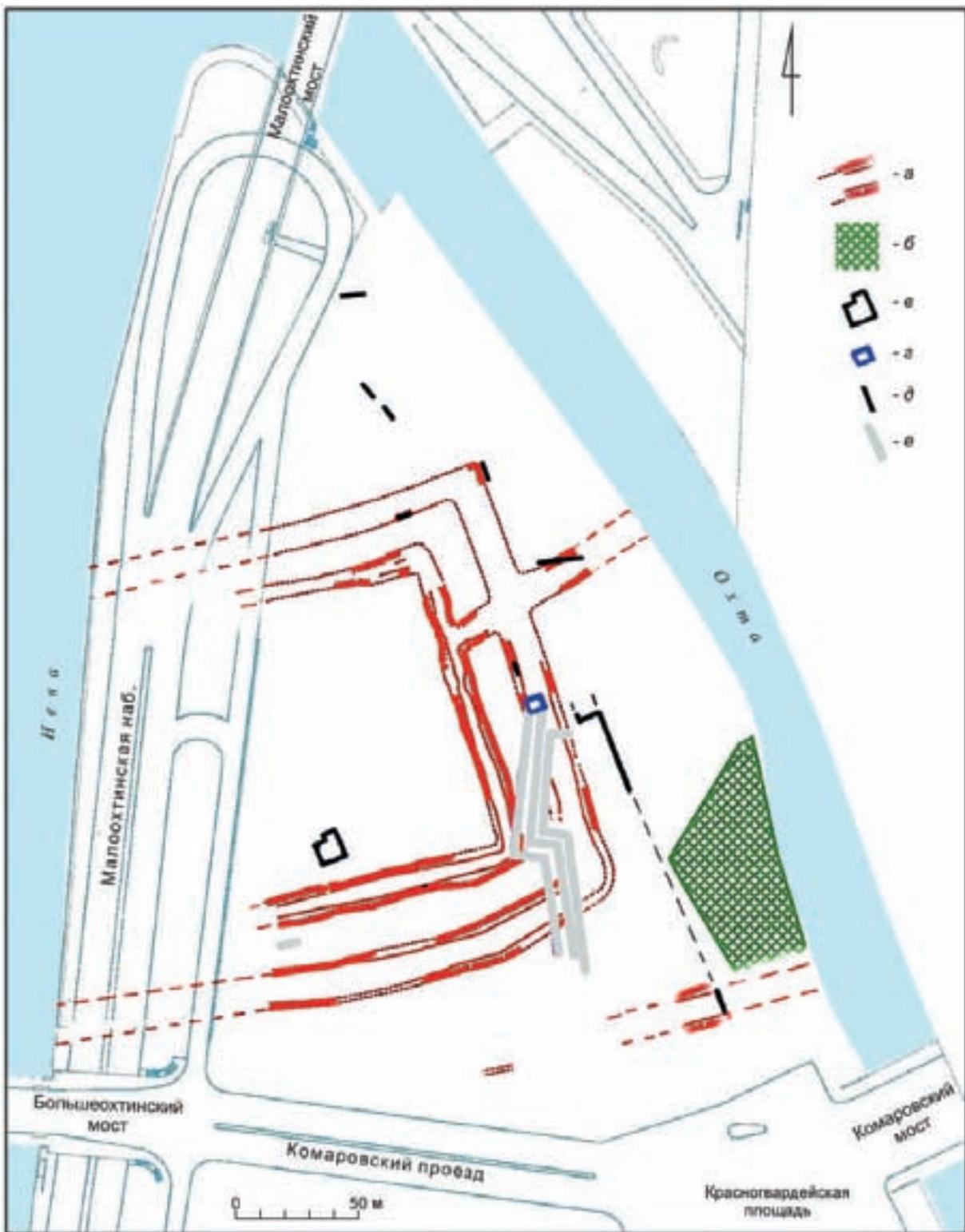

Рис. 12. Сооружения первого и второго периодов строительства крепости Ниеншанц. Условные обозначения: *a* — рвы Ландскроны; *b* — кладбище первой половины XVII в.; *v* — каменная постройка; *z* — крепостной мост; *d* — частокольные заграждения; *e* — сооружения крепости второго периода

Fig. 12. Installations of the first and second periods of the construction of the fortress of Nyenskans: *a* — ditches of Landskrona; *b* — cemetery of the first half of the 17th cen.; *v* — stone building; *z* — fortress bridge; *d* — palisade barriers; *e* — installations of the fortress of the second period

крепостными укреплениями с тремя бастионами, изображенными на карте 1643 г., и, видимо, являются их остатками после разрушения в 1656 г. Высота внешних укреплений вдоль берега Охты могла достигать более 3 м над землей. Пространство между рядами частокола, видимо, заполнялось землей, и второй ряд, меньший по высоте, служил в качестве опоры и устройства площадки для стрельбы. С наружной стороны основание частокола также могло засыпаться грунтом и задерновываться в виде невысокого вала.

Сохранение внутри строящихся бастионных крепостей старых укреплений — средневековых каменных замков, утративших в новое время свое оборонительное значение, было широко распространено в европейской фортификации в XVI–XVII вв. Фортификационные сооружения комбинированного типа, объединявшие в себе черты традиционной замковой и новой бастионной фортификации, были характерны в переходный период в Северной Европе преимущественно для небольших крепостей. Одной из отличительных черт их являются бастеи, предшественники бастионов, — относительно невысокие деревоземляные башни округлой и восьмигранной формы для размещения артиллерии. В русской традиции они назывались раскатами. В Ниеншанце мы имеем дело с деревоземляным замком начала XVII в., окруженным внешними дерево-земляными оборонительными сооружениями с частоколом. Крепость, построенная в условиях военного времени, для выполнения конкретных военно-тактических задач, имела достаточно архаичное устройство, характерное для временных и малых укреплений, и, по-видимому, не была предназначена для длительного использования. Но в условиях мирного времени она сохранялась в несколько модернизированном виде до середины XVII в. На плане 1643 г., вероятно, показан еще первоначальный замок, построенный около 1611 г., который по проекту 1644 г. предполагалось приспособить к новым условиям, тогда как на плане 1652 г., видимо, изображен уже проект нового замка. О ветхости старого к этому времени говорится в документах.

Второй период строительства крепостных сооружений Ниеншанца относится к 1643–1656 гг. Строительство на мысу новой крепости с четырьмя или пятью бастионами начинается с разработки ее проектов И. Роденбургом и Г. Швенгелем в 1643–1644 гг. Начало их реализации было связано с проведением работ по перепланировке территории мыса: выравниванием центральной площадки, засыпкой или частичным использованием

рвов Ландскроны, частичным перезахоронением погребений кладбища на берегу р. Охты, попадающего в зону строительства. По-видимому, таким образом старые оборонительные сооружения постепенно заменялись новыми, что позволяло сохранять обороноспособность крепости в процессе строительства и обеспечивало экономию времени и трудозатрат.

Протяженность сохранившейся восточной куртины крепости по верху эскарпа рва и по фоссебрее достигала 37–42 м, фланков, соответственно, — около 9–10 м. Сохранившаяся длина левого фаса юго-восточного бастиона составила около 57,4 м, причем оконечность его не была зафиксирована. Крепостной ров сохранился на глубину до 3,6 м, однако его первоначальная глубина могла достигать 4 м и более. Участок дерновой стенки, относящийся, вероятно, к левому фасу юго-западного бастиона, обнаружен с южной стороны мыса, между первым и вторым рвами Ландскроны. Остатков укреплений этого периода с других сторон не выявлено. Вероятное место их расположения на значительной площади оказалось перекрыто более поздними рвами, что не позволяет оценить реальные масштабы строительства на этом этапе. На проектном плане 1644 г. по периметру северной оконечности мыса показаны заграждения в виде горнверка — вспомогательного наружного укрепления, служившего для усиления основного крепостного фронта, к которому оно примыкало. В определенной части оно совпадает с выявленными здесь частокольными заграждениями и может восходить к предшествующему периоду.

Строительство новых укреплений, которое, вероятно, начиналось на наименее защищенных направлениях — южном и восточном — было прервано войной. На изученных участках строительство новых укреплений было не завершено. Учитывая, что рвы не были полностью вырыты, под сомнением и насыпка оборонительных валов на проектную высоту. При этом фоссебрее по их периметру, видимо, были оборудованы. Это подтверждают и события 1656 г., когда крепость была сдана без боя. Русские войска почти не задерживались на территории захваченного Ниеншанца, и у них отсутствовали силы и время для его масштабной дефортификации. После окончания военных действий, в начале 1660-х гг., строительство возобновилось, но уже по новому проекту, со смещением крепости к югу, на более широкую часть мыса, позволявшую увеличить размеры ее оборонительных линий и таким образом повысить обороноспособность.

- Видекинд, 2000 — *Видекинд Юхан*. История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С. А. Аннинский и др. М.: Памятники ист. мысли, 2000. 652 с.
- Возгрин, Шаскольский, 1981 — *Возгрин В. Е., Шаскольский И. П.* Шведская карта низовьев Невы 1640-х годов // ВИД. Л.: Наука, 1981. № 12. С. 271–280.
- Гиппинг, 1909 — *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. Т. 2. 472 с.
- Кальюнди, Кирпичников, 1975 — *Кальюнди Е. А., Кирпичников А. Н.* Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. // Скандинавский сборник. Таллинн: Ээсти раамат, 1975. Т. XX. С. 68–79.
- Лаппо-Данилевский, 1913 — *Лаппо-Данилевский А. С.* Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1913. 27 с.
- Соловьева, 2010 — *Соловьева Н. Ф.* Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических мероприятий по договору № 006/2010 (заключительный). Т. 17, 23, 25, 25+ 27, 30+, 33, 41, 44, 44+, 45. Санкт-Петербург, 2010 // Архив КГИОП Санкт-Петербурга, без номера.
- Сорокин, 2001 — *Сорокин П. Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.: Литера, 2001. 128 с.
- Сорокин, 2010 — *Сорокин П. Е.* Крепость Ниеншанц. Некоторые итоги историко-археологического изучения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. СПб.: Ломоносовъ, 2010. Т. II. С. 361–378.
- Сорокин, Тарабардина, 2012 — *Сорокин П. Е., Тарабардина О. А.* Археологические раскопки на Охтинском мысу и перспективы создания дендрохронологической шкалы Петербурга // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2012. Вып. 26. С. 84–92.
- Сорокин и др., 2013 — *Сорокин П. Е., Андреева О. В., Иванова А. В., Лазаретова Н. И.* Археологические исследования Охтинского некрополя // *Stratum plus*. 2013. № 5: Под знаком Рюриковичей. С. 103–113.
- Сорокин и др., 2017 — *Сорокин П. Е., Гукин В. Д., Иванова А. В., Короткевич Б. С., Лазаретов И. П., Матвеев В. Н., Михайлов К. А., Поляков А. В., Попов С. Г.* Археологические исследования в устье реки Охты. СПб.: КультИнформПресс, 2017 (Археологическое наследие Санкт-Петербурга; Вып. 5). Т. 1: Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса. 237 с.
- Эренсверд, 1998 — *Эренсверд У.* Шведское картографирование Ингерманландии // Шведы на берегах Невы: Сб. ст. / Ред. Б. Останин, Б. Япггелъдт. Стокгольм: Шведский институт, 1998. С. 18–25.
- Ahlberg, 2005 — *Ahlberg N.* Stadsgrundningar och planförändringar. Svensk stadsplanering 1521–1721. Doctoral diss. Dept. of Landscape Planning, Ultuna, SLU. Uppsala: Institutionen för landskapsplanering, Sveriges lantbruksuniversitet, 2005 (Acta Universitatis Agriculturae Sueciae. Agraria. Vol. 2005: 94). 1056 p.
- Bagrow, Kohlin, 1953 — *Bagrow L., Kohlin H.* Maps of Neva river and adjacent areas in Swedish archives. Malmö: AB Malmö Ijustrycksanstalt; AB Håkan Ohlssons Boktryckeri (Lund), 1953.
- Blees, 1938 — *Blees J.* Nyenskans och Nyen / Norrlands: Årsskrift utgiven av Föreningen för Norrlands fasta försvar. Stockholm, 1938. P. 67–96.
- Bonsdorff, 1891 — *Bonsdorff C. G.* Nyen och Nyenskans, Historisk skildring // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. Helsingfors: [Suomen Tiedeseura], 1891. T. XVIII. S. 350–504.
- KrA. SFP O. N. № 1 — Krigsarkivet SFP Östersjöprovincerna Nyen № 1.
- KrA. SFP O. N. № 2 — Krigsarkivet SFP Östersjöprovincerna Nyen № 2.
- Munthe, 1902 — *Munthe L. W.* Kongl Fortifikationens historia. Stockholm: Kungl Boktryckeriet. P. A. Norstedt & Söner, 1902. Del I. Svenska fortifikationsväsendet från nyare tidens början till inrättandet af en särskild fortifikationsstat år 1641. 643 s.
- Munthe, 1906 — *Munthe L. W.* Kongl Fortifikationens historia. Stockholm: Kungl Boktryckeriet. P. A. Norstedt & Söner, 1906. Del II. Fortifikationsstaten under Örnehuwudh och Wärnschiöldh 1641–1674. 635 s.
- Riksarkivet. O. 1652. LK № 2 — Riksarkivet, Östersjöprovincerna. 1652. Livonika kartor № 2.
- Riksarkivet. O. 1652. LK № 474 — Riksarkivet, Östersjöprovincerna. Ingermanland. Nyen. (Noteb. 1). Nyen o. Sten v. Stenhusens gods. 1640. Livonika № 474.

The fortress of Nyenskans in the first half/middle of the 17th cen.

P. E. Sorokin⁸

Keywords: fortress, Nyenskans, castle, citadel, palisade barriers, fausse-braie, defensive ditch, bastion, curtain wall, turf masonry, fortress bridge.

Through the results of the investigations, three major building periods of Nyenskans are distinguishable: I — 1611–1643, II — 1643–1656, and III — 1658–1703. They are characterized by a complete reconstruction and changes in the configuration of the main fortifications. The fortifications of the first period (1611–1643) retained the planigraphic continuity from the defences of Landskrona. This circumstance defined the system of fortifications built by the Swedes basing on the defensive structure of the previous period. Judging through historical plans of the 1640, the basis of the defensive installations of early Nyenskans was represented by a regular castle — the royal court built in the central part of the Okhta promontory in the place of the half-destroyed wood and earth platform of Landskrona. Its buildings were arranged in the form of a square and, judging through the archaeological evidence, were wood-and-earthen with a stone basement. From the outside, the fortress was protected by three lines of the mediaeval ditches which had remained in the locality.

Evidently, the construction was far from being completed, as the events of 1656 demonstrated when the fortress was seized by Russian forces without striking a blow. After the cease of the war activities in the early 1660s, the construction was resumed but already according to a new project moving the fortress to the south onto a broader part of the promontory that allowed to expand the dimensions of its defensive lines and thus to raise the defence capacity.

---

⁸ Peter E. Sorokin — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., Saint Petersburg, 191186, Russia; e-mail: petsorokin@yandex.ru.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. Вып. 1–13 — СПб., ИИМК РАН; 14, 15 — М., Наука; 16–21 — СПб., Дмитрий Буланин; 22 и далее — СПб., ИИМК РАН
- АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли
- АН — Академия наук
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- БГУ — Белорусский государственный университет
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГМЗ — Государственный музей-заповедник
- ГРБ ОД — Государственная Российская библиотека. Отдел диссертаций
- ГУ — Государственный университет
- ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
- ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
- КарНЦ РАН — «Карельский научный центр Российской академии наук»
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Л.; М.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии РАН
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- НА — Научный архив
- НАН — Национальная академия наук
- НиНЗИиА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
- НМЗ — Новгородский музей-заповедник
- НОА — Научно-отраслевой архив
- НПГКМЗ — Национальный Полоцкий государственный историко-культурный музей-заповедник
- РА — Российская археология. М.
- РАН — Российская академия наук
- РО — Рукописный отдел
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников
- Сб. ст. — сборник статей
- СЛИААМЗ — Старо-Ладожский историко-археологический и архитектурный музей-заповедник
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- Тр. — труды
- ФНИ ГАН — Фундаментальные научные исследования государственных академий наук
- ФО — Фотоотдел
- ЧНПУ ім. Т. Г. Шевченка — Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка
- A. G. — archive group
- F. — fund
- In. — inventory
- Man. Dep. — Manuscript Department
- Neg. — negative
- Photo Dep. — Photo Department
- Pr. — print
- SA IHMC RAS — Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
- Sh. — sheet